

В.А. КОВПИК

**СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ
КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В ПАРОДИЙНЫХ
ПРИЧИТАНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ
АНЕКДОТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ
О НЕУМЕЛЫХ ПЛАКАЛЬЩИЦАХ)**

Смех и смерть, и вообще смешное и страшное, не исключают друг друга. В народной культуре известны игры с мертвецом и ритуальный смех над ним, ряжение в «умрунов» и «смертей», саркастическое изображение убийства в шуточных песнях (например, о том, как жена мужу *«петлю на шею накладывала, милтому в окошко конец подала: "Мил, потяни, государь, затяни"»*, и др.). Несмотря на ожидаемое и действительно присутствующее у окружающих сочувствие к чужому горю, изображение плачущей над телом мужа вдовы весьма часто появляется, как ни странно, в шутовых бытовых сказках и анекдотах. Едва ли не самый печальный жанр русского фольклора – похоронные причитания – оказывается объектом пародии внутри самой фольклорной традиции. Случаи пародирования причитаний (и похоронных, и свадебных) многообразны¹. В небольшой статье нет возможности рассмотреть все сохранившиеся до сегодняшнего дня их разновидности: семейно-обрядовые (например, отмеченные на Украине «жартовливий голосіння»), календарные – в обрядах похорон Костромы, кукушки, Марены, Кузеньки и пр.; в составе заговорно-заклинательных действий, направленных на избавление от насекомых. Речь пойдет о шутовых рассказах, в которых пародия преподносится как неосознанная со стороны исполнителя причитания, – рассказах о неумелых плакальщицах, излияния печали которых смешны слушателям. (Иногда подобные рассказы оформляются как мемораты, то есть сообщения о событиях, случившихся на памяти рассказчика, поэтому не все такие рассказы можно назвать

¹ Надо заметить, что, когда упоминания о похоронных причитаниях встречаются вне обряда похорон, сами тексты не всегда являются собственно пародиями. Иногда они состоят из вполне типичных для подлинных причитаний формул, и лишь их употребление вне нормативных условий функционирования (как, например, над ряженным «умруном», чучелом или клопами) можно отнести к сфере пародии. Однако даже в этих случаях чаще бывает, что скорбный тон не выдерживается и элементы насмешки проникают в сами тексты.

анекдотами). За пределами статьи остались другие типы пародийных причитаний: в сказках (о животных – «Лиса-плачя»; в бытовых – о ленивой жене, заматывающей умершего мужа пряжей и вопрошающей его «Да куда же ты собрался?» или «Да на кого же ты похож?»); причитания-упреки (например, мужу-пьянице) и глумливые (именно пародийные, а не неумелые) причитания.

Плач и причитания на похоронах или поминках были не просто личным излиянием чувств осиротевших родных, но и их обязанностью по отношению к покойному, за исполнением которой внимательно наблюдали односельчане. Если бы вдова не стала причитать по мужу или дочь по родителям, это было бы встречено с осуждением со стороны соседей и сродников. Данное обстоятельство отмечается уже в ранних этнографических описаниях народных обычаев. «Жена и дети непременно должны были сидеть при теле усопшего и причитать со слезами, высчитывая все добрые качества его. Если кто не соблюдал этого, то говорили, что рады и не жалеют о смерти его; надобно было, если нет слез, закрыть глаза платком, положить голову на стол, где лежит покойник, и приговаривать» [Авдеева 1837, 49]. И в последующие годы этнографы и фольклористы подчеркивали, что причитания были обязанностью ближайших родственников усопшего. «Причитывать по умершем везде считается обязанностью всех взрослых женщин и девиц, и не зная причитывать – "стыдно перед людьми и осмеют со стороны"» [Шайкин 1910, 197]. «Для женщины необходимым выражением скорби являются "вытье" по покойном или причитание. Непричитывающих осуждают. <...> В некоторых местах сохранился точно установленный порядок, когда должна причитать мать, сестра, и каждый раз – как именно» [Смирнов 1920, 34]. «Причитания над покойником у всех восточных славян обязательны и считаются необходимым оказанием почестей умершему. Причитают только женщины, мужчины этого никогда не делают. У русских обычным явлением были наемные плакальщицы. На Украине они встречались реже. Плачи чаще всего импровизируются; в них рисуют горе осиротевших и их тяжелое положение, восхваляют добродетели покойного и упрекают его за преждевременную кончину» [Зеленин 1991, 355].

Неизбежность для женщины причитаний в определенных жизненных обстоятельствах приводила к тому, что она заранее начинала готовиться к исполнению этого своего «общественного долга», то есть училась причитывать. Интересны в связи с этим следующие сибирские наблюдения М.К. Азадовского: «В Сибири профессиональных, "наемных" или "платных" плакальщиц абсолютно нет; люби-

тельницы этого вида поэзии ходят иногда причитывать над чужими покойниками, но это не освобождает от обязательного причитывания тех, кого преимущественно коснулась утрата, — мать, жену, сестру, дочь. Причитать должна уметь каждая, и несоблюдение этого обряда считается неприличием. Одна женщина на Лене жаловалась мне, что "не умеет выть, чтоб складно было" — "горе свое выскажешь, а складу нету". Случалось, во время записи подсаживалась какая-нибудь "молодуха" и с искренним любопытством и вниманием прислушивалась к сообщаемым мне причетам, чтобы запомнить и заучить их. Одна полушутя-полусерьезно говорила: "Вот спасибо хоть человек приехал у наших старух выть записывать, по крайности и мы с им поучимся, а то пора надойдет, мы сами-то и не сумем — сраму сколь будет". Одна старушка, весьма охотно сообщавшая мне всевозможные как свадебные, так и похоронные песни, советовала дочери внимательнее слушать, — "а то скоро помру, ты и обвить меня ладом не сумеешь: люди-то застыдят тебя!" [Азадовский 1960, 134].

Хотя иногда и говорилось, что «причет сам на ум течет» [Смирнов 1920, 34], однако умение хорошо причитать признавали в народе большим искусством, хороших плакальщиц уважали и нарочно собирались послушать их причеты; бывало, их просили показать свое искусство и вне похоронного обряда, напр.: «У нас гараз харашо адна женщина галосила. <...> Вот идём за петь — за шес[т]ь километрав с пакоса: "Татьяна, ну-ка, пагалось!". Все — рёвам! — плачим, как гараз харашо!» [Лобкова 2000, 57]. Приведенное выше свидетельство М.К. Азадовского показывает, что женщины старались научиться причитать заранее, до того, как «надойдет» скорбная пора. Постоянные же упоминания «стыда» и «срама», которые будет терпеть от людей неумелая или нерадивая плакальщица, показывают, как небеспристрастны были односельчане к качеству исполнения последнего долга родными покойного.

В связи с этим следует упомянуть устойчиво встречающиеся в разнорегиональных записях анекдотические рассказы о неумелых плакальщицах, причитания которых были людям только на смех; в составе таких рассказов приводятся и пародии на похоронные причитания (невольные с точки зрения той, которой их «авторство» приписывается, однако вполне осознаваемые рассказчиками). Например:

Выть-то это непросто, это надо стих знать, уметь надо, а то смех получится.

На могиле выла жена по муже. Она наклонилась над могилкой, а ребёнок у ней в коленях; она и воет:

*Погляди-ко, желанной муж:
Меж ногами-ти да сирота сидит.*

А он умер, а лошадь-та осталася необъезжена, жеребёночек осталася; она и завыла:

*Приходи-ко, желанной муж,
Приходи кобылу пробовать.*

Не умела выть-то дак

(зап. В.А. Ковпиком в 1994 г. в с. Одоевское Шарьинского р-на Костромской обл. от Марии Ивановны Крутовой, 1923 г.р. [ФЭ 19: 3285 об.]).

Оба пародийных фрагмента несурзадного «вытья» основаны на традиционных мотивах-формулах причитаний. Первый — на обращении к умершему с просьбой поглядеть на плачевное состояние оставленных им родных или хозяйства:

*...Ты открой да очи ясныя,
Погляди, моя желанная,
Ты на свой на благодатной дам
В остальные да во последние:
Он стоит да припечаленной,
Он стоит да пригорюненной
[Ветлужская сторона 1996, 143].*

Второй — на напоминании покойному о делах, которые он не успел завершить до смерти²:

*...Что не гораздо, родима мамонька,
Не прижимаешь к ретиву сердцу
Своего ты дитю милого?
Как живет он да мотается —
У нас дело всё не приделано,
И работушка не приработана,
Не берет нас управушка
Без тебя, родима мамонька!
[Смирнов 1920, № 20].*

В другом анекдоте больной муж просит жену: «*Атвари мне яечик!*». Когда та возвращается, он «*притвариуся, што вумир, <...> лёх — быдта коньчиуся*». Жена, обнаружив мужа распростертым на лавке и, очевидно (текст весьма фрагментарный), тут же выпустив из рук посудину с вареными яйцами, начинает причитать: «*Милинький ты мой, сам ты ляжыши на лауцы, а яйцы твае над лау-кый*» [Добровольский 1891, 355]. И эта пародия на причитание возникла из традиционных для причети обращений к покойному, констатирующих, что ему уже не нужно ничего, что было нужно при жизни:

*...Пооставил, свет, печальных нас головушек,
Сложил рученьки ко белой груди,
Телеса придал ко матушке — сырой земли!*

² Сходная ситуация обыграна в следующем анекдоте применительно к свадебным причитаниям: «*Выдали девку замуж; она сидит и воет: "Свет-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!" — "Какая крашенина? Много ли аршин?" — "Да я в квасу хлеба накрошила густо-нагусто, и с лучком и с маслом!"*» [Афанасьев 1985, № 514].

*Пошла на убьель любимая семейошка,
В раззореньцо крестьянска пошла жирушка;
Ночь торгово эти лавки запираются...*
[Причитанья 1997, 142].

Наконец, в галицко-русском анекдоте ветер вырвал вязанку соломы из крыши хагы, и «як пішов дощ, то тов дерев вода тикла до сінній в самій кут». Хозяин обещал жене, «що колись зашиє», да так и умер. И когда его несли на кладбище, вдова шла за телом и голосила:

*Чоловічи! Жура моя!
Лямалася [осталась. – В.К.] дера твоя!
А ти казав, що зашиєш,
А ти змер, та й лишійєшь!*

Другая вдовица, у которой в жизни случилось то же самое, шла рядом «і помагала плакати: "Тош то, кумко, і в мені гира, гира! Тош то, кумко, з неї тиче, тиче!"» [Ипатюк 1899, № 195].

И к этому анекдоту находят соответствия в похоронных причитаниях, изображающих «дырватое» вдовье жилище:

*...Как во зьтых два учётных долгах годьшика
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньцо,
На слезах стоят стекольчатые околенки,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
Скрозь тынишка воробышички падают...*
[Причитанья 1997, 34].

Комический эффект пародийных причитаний в приведенных анекдотах основан на двусмысленности с эротическим подтекстом. Он возникает от возможного двойного истолкования образов и мотивов текстов («сирота меж ногами», «яйца под лавкой», «незащищенная дыра»), обусловленного принципиальной неоднозначностью ассоциативных связей того или иного традиционного фольклорного образа. Эта неоднозначность приводит к тому, что в условиях различных бытовых или обрядовых контекстов исполнения произведений фольклора могут быть актуализированы разные инносказательные значения одного и того же образа. Так, в следующих отрывках из причитаний вдовы по мужу:

*Как я жить буду, горюшица,
Я без труднищца-работнищца,
Без великово помошницька?
Как пойдут мои суседушки
На тяжелую роботушку,
На широкую полосынку,
Моя сиротская полосынька
Без тебя, да мила ладушка,
Во всё время сиротой стоит,
Не обделана, не пахана,
У мня да не засяня.
Обо мне фто позаботитсе?
Я одна да одинёшенька...*
[Соколовы 1999, № 340] –

или:

*...Я тогда-то, горе-злосчастная,
Пришла, горюшко, да я домой
Я не к топленой, бедна, печке,
Ко потухламу да, бедна, уголю,
Я ко малым-то своим деточкам...*
[Причитанья 1960, 343–344] –

трудно предположить, что образы непаханой и незасеянной полосы и нетопленной печи вдовы в скорбной обстановке похорон могли восприниматься иначе как в своем прямом значении, то есть как часть описания запустения и разорения хозяйства после кончины «большака». Однако у этих фольклорных образов может быть инносказательное значение эротического свойства, проявляющееся в текстах разных жанров.

Н.П. Колпакова отмечала, что в необрядовых лирических песнях «пахать пашню» означает «любить»; соответственно непаханую пашню можно истолковать как несостоявшуюся любовь или разлуку [Колпакова 1962, 213]. По крайней мере в части случаев метафорического употребления этих образов вместо весьма общего инносказательного значения «любить» имеется в виду куда более конкретное: с глубокой древности вспашка и засевание земли ассоциировались с соитием мужчины и женщины³. «Если б вы для работников в ваших поместьях установили столько же дней отдыха, сколько установили вы их для того, кому надлежало возделывать малое мое поле, вам бы ни одного зерна собрать не удалось», – говорит молодая жена старому мужу, отказываясь возвратиться к нему от похитившего ее любовника в 10-й новелле 2-го дня «Декамерона» [Декамерон 1970, 176].

*Бригадир Семен ой какой начал:
Ты не в поле, а в кровати у меня пахал!*
[Волков 1999, 618].

*Вы не знаете, ребята,
Где удобная земля:
Ниже тупа через поле
Черноземна полоса*
[Симаков 1995, № 57].

*У милашки на куляшке
Сорок восемь десятин,
Без порток и без рубашки
Обрабатывал один*
[Кулагина 1995, № 264].

Подобное соотношение обобщенного и конкретизированного инносказательных значений можно усмотреть и для словосочетания

³ Иногда это приводило к развитию многозначности у лексем, связанных с земледелием: так, например, лат. vomer значит и «лемех», и «membrum virile», arvum – и «пахотное поле», и «partes genitales muliebres».

«топить печь». Это прослеживается и в частушках:

*Разгорайтесь в печи, дровы,
Разгорайтесь, угольки;
Посыпай-ка, мой приятка,
На горячи калачи.*

*Печка топится, дымится,
Ванька просится жаниться,
А из печи дым густой –
Ходить Ванька холостой⁴.*

*В том конце, на том посаде
Рано печка топится.
Ты отдай, мамаша, замуж,
За кого мне хочется
[Русская частушка 1993, № 1533].*

*По деревне девки шли,
Шишку мерзлую нашли.
Отогрели у чела –
Шишка прыгать начала
[Кулагина 1995, № 159] –*

и в обрядовом фольклоре, как в нижеследующем отрывке из жнивного заклинания:

*...Дров ни полена,
Х.. по колена!
Печка ни таплена,
Баба не е...!
[Лобкова 2000, 84] –*

и в корильной свадебной песне:

*... У меня в горяченько,
У меня в печка,
У тебя же ... чечка:
Чечка да встала,
В печку попала!
[Чесноков 1911, 80].*

Один из наиболее ярких примеров использования образа пылающей печи как эротического иносказания мы находим в историческом анекдоте об императрице Елизавете: «Несмотря на огромную физическую силу, Алексей (Разумовский. – В.К.) зачастую уступал Елизавете в ненасытных любовных утехах, о чем тут же при дворе поползли слухи. <...> Не щадя сил, он слишком усердствовал, и с ним стали делаться обмороки, что побудило однажды его покровительницу отправиться в ночном дезабилье к Гиппократу (имелся в виду придворный лекарь Лесток)... чтобы просить его оказать быструю помощь больному. Застав лекаря в постели, она уселась на край ее и упрасивала его встать. А он, напротив, стал приглашать ее... позабавиться. В своем нетерпении помочь другу сердечному она отвечала с

⁴ Эти две частушки – из фольклорных материалов Невельского у. (теперь – район Псковской обл.), собранных в 1924 – 1926 гг. под руководством преподавателя словесности Невельского педагогического техникума Николая Ивановича Зорина.

сердцем: "Сам знаешь, что не про тебя печь топится!.."» [Евдокимов 2003]⁵.

Актуализация непристойных иносказательных значений тех или иных образов, традиционных для «серьезных» обрядовых фольклорных жанров (в первую очередь это причитания, а также величания, свадебные лирические песни, заговоры и пр.) – одно из основных средств создания текстов-пародий.

Пародии на свадебные причитания так же, как и в случае с похоронными, могут быть преподнесены в составе анекдотических рассказов о неумелой причитальщице:

Голосит глупая невеста, недопекнутая женищина:

*Напали да наехали
Бердовязы-веретельницы,
Все лапотные плетельницы⁶.*

Мать толкает ее: «Что ты, глупая, причитайшь не так?». Дочь отмахивается:

*Уж ты не тычь, родитель матушка,
Я без тебя буду натыкана,
Да без тебя буду насована.
На богоданной на сторонушке
Посадыт в угол в потемочки
И подадут в руки котеноцка*

(зап. В.Г. Смолицким и М.А. Полидвой в 1958 г. в д. Русь Хотеновского с/с Каргопольского р-на Архангельской обл. от Александры Федоровны Боярской, 1890 г.р. [ФЭ 02: 8174 – 8175]).

Пародийные причитания позволяют четко определить сущность скоморошьего глума: это не просто «смех насмешливый» (одна из разновидностей народного юмора, выделяемая В.Я. Проппом) [Пропп 1997] – это раскрытие всех возможностей комической интерпретации образа, мотива, фрагмента текста, причем часто вопреки бытовому или обрядовому контексту, который может вовсе не располагать к комизму. Смех, причем злой, в обстоятельствах, не предполагающих веселья, напротив, скорбных, как похороны, или торжественных, как церковная служба, – основа скоморошьего глума. Многозначность фольклорных образов предопределяет возможность смехового «прочтения» традиционных формул причитаний. Пародийные перепевы возникают в результате разрушения закрепленных народной культурной

⁵ М. Волошин, которому, очевидно, анекдот был известен в несколько иной версии, излагает его так:

*... Елисавета с хохотом без гнева
Развязному курьеру говорит:
«Не лапай, дуралей, не про тебя-де
Печь топится». А печи в те поры
Топились часто, истово и жарко
У цесаревен и императриц.
Российский двор стирает все различья
Блудилица, дворца и кабака...
[Волошин 1989, 138].*

⁶ Это еще не пародия, а традиционная формула корильных песен; она встречается и в составе причитаний.

традицией соответствий между обрядовыми ситуациями и моделями поведения в них человека. Как следствие происходит изменение характера эмоционального плана сопровождающих обряд текстов, а ведь именно он определяет те или иные предпочтения в выборе ассоциативных связей художественных образов.

Литература

- Авдеева 1837 – [Е. А. Авдеева.] Записки и замечания о Сибири. Сочинение ... ой. М., 1837.
 Азадовский 1960 – Азадовский М.К. Ленские причитания // Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 114–174.
 Афанасьев 1985 – Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. Т. 3. М., 1985.
 Ветлужская сторона 1996 – Ветлужская сторона: Фольклорный сборник. Вып. 2. Шарья, 1996.
 Волков 1999 – Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: В 2 т. Т. 1. М., 1999.
 Волошин 1989 – Волошин М.А. Россия // Волошин М.А. Средоточье всех путей: Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989. С. 136–146.
 Гнатюк 1899 – Гнатюк В. Галицко-руські анекдоти // Етнографічний збірник. Т. VI. Львів, 1899.
 Декамерон 1970 – Дж. Боккаччо. Декамерон. Перевод Н. Любимова. М., 1970.
 Добровольский 1891 – Смоленский этнографический сборник / Сост. В.Н. Добровольский. Ч. I // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XX. СПб., 1891.
 Евдокимов 2003 – Евдокимов Д. Тайны дома-комода // За Калужской заставой. № 9 (216). 6 – 12 марта 2003 г. С. 13.
 Чесноков 1911 – Чесноков А. Свадебные обряды и песни «кержаков» // Живая старина. 1911. № 1. С. 57–96.
 Зеленин 1991 – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
 Колпакова 1962 – Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962.
 Кулагина 1995 – Частушки в современных записях (публикация А.В. Кулагинной) // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 440–501.
 Лобкова 2000 – Лобкова Г.В. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. СПб., 2000.
 Причитания 1960 – Причитания / Подгот. текста Б.Е. Чистовой и К.В. Чистова. Л., 1960.
 Причитания 1997 – Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым: В 2 т. Т. 1. СПб., 1997.
 Пропл 1997 – Пропл В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997.
 Русская частушка 1993 – Русская частушка / Сост. А.В. Кулагина. М., 1993.
 Симаков 1995 – Из собрания В.И. Симакова «Нескромные частушки и песни» (публикация А.В. Кулагинной) // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 502–516.
 Смирнов 1920 – Смирнов В.И. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920.
 Соколовы 1999 – Сказки и песни Белозерского края. Записали Б.М. и Ю.М. Соколовы: В 2 кн. Т. 2. СПб., 1999.
 Шайжин 1910 – Шайжин Н.С. Похоронные причитания Олонешского края // Памятная книжка Олонешской губернии за 1910 год. Петрозаводск, 1910.

Сокращения

ФЭ – Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.В. ЧЕКАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕВИЧИЙ АЛЬБОМ (ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ)

Трудно найти в отечественной культуре явление, которое могло бы сравниться с девичьим альбомом в продолжительности влияния на умы и сердца юных девушек. Как и двести лет назад, когда обладательницей альбома была каждая уездная барышня, так и сейчас тетрадку с песнями, стихами и рисунками можно найти практически у любой школьницы. Порождение городской культуры, альбомная традиция еще в 1930-е гг. распространилась среди сельских жительниц и до сих пор повсеместно сохранила свою популярность. Пройдя длинный путь от изящных бархатных альбомов светских дам до разрисованных фломастерами тетрадей наших современниц, альбом по сути остался тем же, чем он был в пушкинскую эпоху: средством общения, с помощью которого завязывали контакты, учились строить отношения с противоположным полом, узнавали правила житейской мудрости.

Как тип рукописного сборника, представляющего собой сложный комплекс вербальных и невербальных составляющих, альбом сформировался еще в начале XIX в. Уже в это время выделились его основные отличительные черты: *полижанровость* (присутствие в составе альбома произведений разных жанров), *синкретичность* (взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов в системе альбома), *коммуникативность* (альбом предполагает коллективное составление, то есть имеет установку на создание диалогового поля между читающим альбом и пишущим в него) и *лиричность* (сосредоточенность на выражении чувств и эстетических пристрастий пишущего). Другими словами, произведения различных жанров организуются в альбоме в сложное единство посредством элементов графического и вещественного оформления (рисунков, аппликаций, вложенных в альбом предметов и т.п.). Отмеченные выше свойства являются типологической особенностью альбома, вне зависимости от того, к какой разновидности он относится: к девичьему, солдатскому¹ или тюремному альбому. Эти три типа,

¹ Термин «солдатский альбом» является в настоящей работе синонимом понятия «солдатский блокнот», используемого, в частности, В. Головиным, М. Лурье и Е. Кулешовым [Головин, Лурье, Кулешов 2003] для обозначения рукописного сборника текстов армейского фольклора. Его следует от-